

ВОЛЧЬЯ ДОЛЯ

В состав сборника входят произведения: Разборка, Беспредельщики, Пахан, Крутые ребята, Отморозки, Терпилы.

Там, где царят волчьи законы. Там, где жизнь людская не стоит и гроша - выживает тот, кто сильнее, жёстче, безжалостнее. У бандитов много денег, но вся их жизнь - сплошной бой без правил. Даже если тебе повезёт и ты выбьешься в авторитеты - однажды настанет момент, когда молодой, свирепый хищник прыгнет тебе на спину. И это будет последнее, что ты почувствуешь....

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО "РАЗБОРКА"

ГЛАВА 1

Пустынное ночное шоссе едва освещалось редкими фонарями. Накрапывал противный мелкий дождик. Машина осторожно пробиралась вперед, обходя залитые водой и грязью выбоины в асфальте. За рулем сидел Малюта. Грач<Сноска Это не имена, а блатные клички.> лениво развалился на переднем сиденье, покуривая сигарету. Он постоянно задремывал и не сразу заметил, как пепел упал на штаны. Грач тихо выругался, выбрасывая окурочек в окно.

— Слышь, Пашка, — обратился он к товарищу, — долго еще мы тут мудохаться будем?!

— Садись за руль сам, — огрызнулся тот, — не видишь, какая дорога?!

Грач с Малютой были старыми друзьями и никогда не ссорились, просто они до предела вымотались, выполняя очередное поручение Славика. Вот нервы и натянулись, как гитарные струны. Поручение, на первый взгляд проще простого, оказалось исключительно сложным. Некий коммерсант, не в меру хитрый и самоуверенный, задолжал другому представителю российской буржуазии огромную сумму. Отдавать же не собирался, нагло посылая кредитора куда подальше. Такое случалось сплошь и рядом, казалось бы, хрен с ними, с торгашами бессовестными, но облапошенный бизнесмен находился «под крышей» Северной бригады города Н-ска, которую возглавлял Славик и где работали Малюта с Грачом. Бизнесмен добросовестно платил дань — не то что некоторые жлобы, которые вечно крутятся словно ужи на вилах. Пока ничего не случится — денег не платят, зачем зря тратиться, раз все спокойно? Скулят — «дела плохо идут, обнищали, дескать, кушать нечего». Но когда припрет — прибегают, все в соплях, в ножки падают: «Помогите, господа бандиты, пропадаем!» Этот же бизнесмен сотрудничал честно. Раз так, то и с ним поступили честно. Славик, он же Вячеслав Савицкий, лично позвонил паршивцу, предупредил. Тот побожился: «Все будет в порядке, через три дня верну долг». Прождали неделю — он даже не почесался. Тогда Савицкий вызвал Малюту с Грачом и дал четкую инструкцию:

— Для начала набить морду вполсилы, вот адреса офиса, вот домашний.

Славик поддерживал среди своих жесткую дисциплину, поэтому все его приказы выполнялись беспрекословно. Набить так набить, айда, братан! Ехали в приподнятом настроении: сейчас быстренько обтяпаем дельце, потом расслабимся в кабаке.

Когда прибыли к офису, выяснилось, что он доверху нашпигован милицией. Ах, до чего хитрый коммерсант, но и дурак вместе с тем.

Четыре дня «пасли»<Сноска Следили.> его по городу, постепенно накаляясь злобой, наконец отловили в глухом местечке. Сломали ребра, челюсть, отшибли почки, перебили ломиками ноги. Затем, оттащив подальше, чтобы не подох раньше времени, —

взорвали машину. Грохот взрыва привлек внимание общественности. Едва отъехали — налетел ОМОН. Он-то и доставил полуживого буржуа в больницу.

Неприятности на этом не прекратились. По пути домой три раза тормозили гаишники, обнюхивали машину со всех сторон. Ну что тебе надо, командир? Оружия нет, документы в порядке. Морда подозрительная? Извини, таким родился!

По этой причине Грач с Малютой и кипели раздражением, даже между собой едва не полаялись. Первым опомнился Грач:

— Ладно, Пашка, сам понимаешь, проклятый барыга с мусорами всю психику издержали!

Между тем машина хоть медленно, но продвигалась вперед. За мутными окнами показались очертания родного района. Дождь усилился, снизив почти до нуля и без того паршивую видимость. Малюта пытался рассеять темноту мощным светом фар. Вдруг машина резко затормозила.

— Твою мать! Прямо посреди дороги стоят придурки! Едва не задавил!

В центре мокрого шоссе, широко расставив ноги, устроились четыре крепкие фигуры в блестящих от дождя кожаных куртках. Малюта просигналил — «придурки» не шелохнулись, тогда разъяренный Грач выскочил наружу...

Парни, стоящие посреди дороги, работали в бригаде Кадиева. Алексей Кадиев, он же Кадий, был уроженцем далекого северного города, где в прежние времена также имел собственную банду. Что-то Кадий натворил там, что именно — никто точно не знал. Но оказался он в крайне неприятной ситуации, настолько неприятной, что Кадия полдня до смерти оставалось. Его родной город был окружен плотным кольцом зон, а населен по большей части выходцами из них. Поэтому пришлось Алексею вместе с ближайшими друзьями срочно «делать ноги», да как можно дальше. Обосновавшись в Н-ске, он с удвоенным рвением взялся за прежнее ремесло. Рядовых боевиков набрали здесь же.

Среди ребят, стоявших на дороге, трое были из местных, а один — «старый кадиевец». В отличие от Грача с Малютой кадиевцы ехали не с работы, а пребывали в глухом загуле. По возвращении из очередного кабака сломалась машина. Чинить ее в пьяном виде да под дождем не представлялось возможным. Ребята решили ловить частника, однако шоссе словно вымерло. Под влиянием винных паров, промокнув до нитки, они отнюдь не испытывали любви к окружающему миру.

— Говорил же я вам, как нужно «возил» тормозить, — пробурчал старший из них, по кличке Енот, приметив остановившуюся машину.

— Мокнешь тут, мокнешь, а гадам до лампочки! Вот что. — Енота внезапно осенила, как ему показалось, «гениальная» идея. — Давай их вообще из тачки выкинем! Это предложение вызвало у остальной компании бурный восторг.

Сказано — сделано.

— Эй, ты! — услышал Грач, который узнал кадиевских и уже хотел предложить их подвезти. — Выматывайся из машины, пока цел!

Тут нервы Грача, без того натянутые до предела, лопнули окончательно. Коротким боковым ударом, а был Грач профессиональным боксером, он снес челюсть Еноту. Тяжелое тело шлепнулось в грязь. Остальные бросились на Грача. Тогда из машины выскочил Малюта. Он прекрасно владел рукопашным боем. Вдвоем друзья быстро разделались с пьяными противниками, после чего, возмущенные столь беспрецедентной наглостью, как следует попинали ногами распростертые тела. Когда злость несколько утихла, они уселись в машину и укатили. Нужно было доложить шефу об успешно исполненном наказании обнаглевшего коммерсанта.

Сегодня Вячеслав Савицкий, по кличке Сава, по иронии злой судьбы также пребывал в омерзительном настроении. Он одиноко сидел у себя на кухне, глядя в окно. Жена выкинула очередной фортель и, визгливо причитая, в который раз убежала к теще,

прихватив с собой ребенка. Перед этим Славику пришлось выслушивать обычный набор ругани:

— Бандит, урка... Дура я, что с тобой связалась... юность погубила... Посмотри на себя... кроме уголовщины, ни на что не способен.

Все это Оля выкрикивала, оживленно размахивая руками, сверкавшими золотом и бриллиантами, которые, кстати, были куплены на его, бандитские, деньги. Вообще, когда речь заходила о деньгах, жена не попрекала Славику работой, тратила их без зазрения совести, нимало не смущаясь, что они «нечистые». Но в других случаях никогда не упускала возможности изобразить «святую непорочность», ткнуть Грача носом в грязь, показать свое моральное превосходство.

За окном монотонно барабанил дождь. Сквозь запотевшее стекло виднелся глухой переулочек с высоким деревянным забором детского сада. Голова горела. Как всегда в таких случаях, зудел шрам на животе. Шраму было около года, но он постоянно напоминал о себе, чесался, ныл, иногда болью скручивало весь живот, откуда удалили значительную часть кишок. Момент, когда Савицкий открыл дверь, встречая друга, который, как казалось, пришел мириться, стал переломным в его жизни.

— Привет! — обрадовался он тогда. — Заходи!

Но цыган в ответ лишь хищно усмехнулся, и острая сталь разорвала тело. Славик успел вытолкнуть цыгана за дверь, хватило сил доползти до телефона, вызвать помощь. Три дня боролись врачи за его жизнь. Савицкий выжил, но на спорте, столь любимом с детства, пришлось поставить крест. Характер тоже изменился. Раньше добродушный, веселый — теперь он сделался мрачным, замкнутым, перестал доверять людям. Раскрываешь им объятия, а они тебе пером в бок.

Немного подумав, Савицкий достал из заглазника спичечный коробок с зеленоватым порошком. Выпотрошив «беломорину», перемешал наркотик с табаком, набил косяк. Последние месяцы он пристрастился к анаше. Она притупляла боль, успокаивала на время расшатанные нервы. Сейчас Славик с удовольствием бы напился, но не мог себе этого позволить. Во-первых, из-за покалеченного живота, во-вторых, из-за болтавшейся в сердечном мешочке малокалиберной пули. Здесь, к слову сказать, врачи были ни при чем, подвела собственная глупость. Когда Славику принесли кустарно сделанную ручку, стреляющую малокалиберным патроном, он почему-то ужасно обрадовался. Вертел ее, крутил, забавляясь, будто ребенок с новой игрушкой. Потом послышалось приглушенное «ба-х-х», и он потерял сознание. Очнулся в больнице. Пуля попала прямо в сердце, но не убила, и болталась там, словно горошина в погремушке.

От операции Савицкий отказался: болтается и болтается, есть не просит, начнут же оперировать — вовсе зарежут...

Сизый дым косяка жирными кольцами плавал по красиво отделанной кухне, освещенной красноватым светильником. Накануне свадьбы с Ольгой Славик сам ремонтировал квартиру, не доверяя никому обустройство своего семейного гнездышка. Дообустраивался!!! Не гнездышко нужно было готовить, а змеиную нору!

Жена забирала больше энергии, чем все зловредные конкуренты с ментами в придачу!

Вопреки ожиданиям, наркотик не успокоил, только подогрел клекотавшее внутри глухое раздражение. Савицкий прижался горячим лбом к холодному стеклу. Дождь шел не переставая, черный асфальт зловеще поблескивал в слабом свете уличного фонаря.

Послышался звонок в дверь. Пришли Малюта с Грачом.

— Наконец-то, — криво усмехнулся Славик, указывая ребятам на кожаный диванчик в углу. — Присаживайтесь, рассказывайте!

Внимательно выслушав, нахмурился.

— ОМОН, значит, сразу прилетел? Хм-м, с чего бы это так быстро?!

По правде сказать, омовцы оказались в том районе совершенно случайно. Ума и щедрости коммерсанта хватило только на обычную милицейскую охрану. Но, как мы уже говорили, за последние годы Савицкий стал чрезмерно подозрителен.

— Что за бизнесмен пошел! — продолжал кипятиться Славик. — Ни стыда, ни совести. Захапает чужие лавы и шлет всех куда подальше. А закон, видите ли, на его стороне. Попробуй получить у него свои кровные! Бандит! Рэкетир! Хватай его, бей прикладами. Пи-до-расы!!!

Нервно скомкав окурок косяка, он швырнул его на пол.

— Ладно, — немного успокоился Савицкий, — извините, братва, плохо мне сегодня, а вы — молодцы, хорошо поработали! Ну, что там у вас еще?

— Так-так, — по мере того, как Грач рассказывал об инциденте на дороге, Савицкий все больше хмурился. — Говоришь, они вас узнали? И все равно хотели забрать машину?! Так-так...

В душе Славика бушевал тайфун ярости. Кадиев давно ему не нравился: вызывали отвращение хитрые глаза, скользкие манеры, чрезмерная любовь к «мокрухе» <Сноска К убийствам.>. Из-за таких, как он, беспредельщиков газеты вопят о невиданном разгуле преступности. Савицкий не любил крови, проливая ее в крайних случаях: защищая свою жизнь или из мести. Вурдалачьи повадки Кадия ему не нравились, да и упорные слухи об истинных причинах бегства из родного города выставляли личность Кадиева в малоприятном свете. До сих пор Славик с ним не сталкивался. Живет себе, и пусть живет. Главное, чтобы на нашу территорию не совался. Но, видать, обнаглел, падло! Решил, раз его тут не трогают, можно вести себя как заблагорассудится. Необходимо проучить наглеца!

— Значит, узнали вас, но намерений своих не оставили! — хрипло сказал Славик. Глаза его загорелись волчьим огнем. — Что вы им за это сделали?

Он внимательно выслушал длинное хвастливое повествование о разбитых мордах, выбитых зубах. Время от времени Славик одобрительно, как казалось, кивал, отчего Малюта с Грачом в конце концов расцвели, словно майские розы.

— Хоть не убили? — когда рассказ подошел к концу, поинтересовался он.

— Нет, что ты!

— Почему?!!

Столь резкая смена настроения шефа совершенно выбила ребят из колеи. Они что-то залепетали оправдательное, но Савицкий не слушал.

— Я научу эту сволочь уважать меня! Покажу, кто здесь хозяин! Обнаглели, пидоры, у моих людей, как у последних лохов, хотели машину забрать? Ненавижу!!!

Все раздражение, вся душевная боль и обида, накопившиеся внутри, вмиг выплеснулись наружу. Немалую роль сыграл также наркотик, отключивший все тормоза.

— В машину, живо! — зарычал Славик и первым ринулся к дверям.

Между тем кадиевцы, с трудом очухавшись, рассматривали свои увечья. Досталось им неплохо. Еноту сломали челюсть, другим пришлось расстаться с частью зубов, молодому Колюне перебили переносицу.

— Теперь ты настоящим боксером выглядишь! — уныло пошутил его приятель Витя, но никто не засмеялся. Окровавленные, перемазанные с головы до ног грязью, они представляли жалкое зрелище. Машин на дороге по-прежнему не было. Серая дождливая мгла засасывала в себя, создавала ощущение безысходности.

— Какого хрена мы борзели? — сплевывая кровь, сказал Витя. — Ведь сразу же увидели, что это Савицкого пацаны! — Ответа на данный вопрос не нашлось. Остальные сами не понимали, почему так получилось. Обе банды жили в мире, не дружили, но и не ссорились. Очевидно, виной всему были хмель да плохая погода. Енот потрогал сломанную челюсть и слабо охнул. Теперь как пить дать целый месяц придется манной

кашкой питаться! Впрочем, обижаться не на кого. Сами виноваты. Действительно маразм — пытаться отнять машину у своего коллеги-бандита!

Послышался рев мотора, и черный «БМВ» Савицкого резко затормозил рядом, окатив всех мокрой грязью. Первым из машины выбрался Славик, поигрывающий тяжелой резиновой дубинкой. Следом вышли Грач с Малютой.

— Оборзели, падлы! — прошипел Славик, с ненавистью разглядывая кадиевских. — Забыли, кто хозяин в районе! Думаете, Савицкий добрый, на голову срать позволит?!

Енот попытался объяснить, но мешала сломанная челюсть. Вместо слов у него вырывались только хрип и бульканье. Впрочем, Славик не собирался выслушивать оправданий. Гнев затуманил голову. «Лохом считают, обнаглели», — металась в голове яростная мысль.

— Что хрипишь, педрила?! — обернулся он к Еноту. — Хочешь, опетушим зараз?!

Здесь он явно перебарщивал, за подобное оскорбление можно было жестоко поплатиться. Однако в настоящий момент Савицкому было глубоко наплевать на все и вся.

— Ответишь за базар! — переборов боль в челюсти, злобно прохрипел Енот.

— Что? Это говно рот разевает?

«Хлесь» — резиновая дубинка вонзилась в лицо Енота, превращая его в кровавую кашу. «Хрясь» — и ключица треснула, словно сухая ветка. «Бам-м» — третий удар в висок погрузил бандита в пучину беспамятства. В это время Малюта с Грачом обрабатывали остальных. Колюня, еще раньше получивший сотрясение мозга, отключился сразу, выпав таким образом из поля зрения карателей. Больше всех перепало Вите, пытавшемуся сопротивляться. Рассвирепевший Грач лупил его, словно тренировочную грушу, вкладывая в удары всю злобу, накопившуюся за последние дни. Брызгала кровь, трещали, ломаясь, ребра. Витя давно потерял сознание, но упасть не мог, поскольку был плотно прижат к бетонному забору заброшенного заводика. Наконец Грач, осознав, что лупцует бесчувственное тело, отошел в сторону. Его жертва бесформенной грудой обрушилась в грязь. В это время Малюта, так же, как и его товарищи, потерявший голову от бешенства, бил доставшегося на его долю кадиевца лицом о капот машины.

— Все, хватит! — резко крикнул Славик. Он опомнился первым и теперь с отвращением созерцал дело рук своих.

— Ну ты же хотел убить? — удивился тугодумистый Грач.

— Дурак, шуток не понимаешь! Посмотри лучше, как они там!

Добросовестный Малюта внимательно оглядел поверженных противников, пощупал пульс.

— Все живы, — бесстрастно доложил он, — но двое в очень плохом состоянии.

— Понятно! — нахмурился Савицкий, забрался в машину и по радиотелефону вызвал «Скорую помощь». Когда на горизонте появились слабые огни санитарной машины, черный «БМВ» бесследно скрылся в ближайшем переулке.

— О Боже, мальчики, кто вас так изувечил? — испуганно причитала хорошенькая медсестра в приемном покое больницы.

Енот с трудом разлепил заплывшие глаза и криво усмехнулся одной стороной рта.

— Собаки дикие покусали, — прохрипел он, теряя сознание.

ГЛАВА 2

Алексей Кадиев расслаблялся. Как следует пропотев в парилке и искупавшись в бассейне, он лежал сейчас на кожаном диване в комнате отдыха, и крашенная под блондинку проститутка усердно делала ему минет. В одной руке Кадий держал сигарету, в другой — банку пива. Глоток — затяжка, глоток — затяжка.

— Активнее языком, — подбодрил он девицу, — а то я до утра не кончу!

Тяжело дыша, девица постаралась ускорить процесс.

В этот вечер она обслуживала уже шестого клиента и здорово устала. Язык, от которого требовали «активности», словно налился свинцом. Однако, зная характер Алексея, она даже не пыталась возмущаться. Только пикни — затушит окурки о грудь и выгонит голой на улицу. Такое однажды было с ее подружкой.

Кадий обвел глазами помещение. Всего проституток пришло трое. Одну утащил в бассейн Валера, вторую трахал Седой, третья была с ним. Глядя на Седого, Кадий вдруг захотел именно его бабу. Такая уж у Алексея была натура, свое никогда не устраивало, зато чужое (до тех пор, пока не стало своим) казалось на редкость привлекательным. Вот и сейчас он с завистью смотрел на широко раздвинутые, поднятые вверх ноги девушки, которые непроизвольно дергались в такт движениям партнера.

Седому досталась худая, Кадия — с пышными формами. Поэтому в настоящий момент он желал именно худую, хоть, получишь наоборот, — захотел бы непременно пышную.

— Слышь, Седой, давай махнемся! — предложил он товарищу. Тот не стал возражать, ему было все равно, кого трахать.

Молча кивнув, он отдал свою девицу и навалился на предложенную взамен.

Кадий поставил девушку на колени, нажимом руки прогнул спину и с силой вогнал ей член в задний проход. Девушка закричала от боли. Кадиев довольно улыбнулся. Он любил причинять боль, в том числе во время полового акта. По сути дела, Алексей являлся обыкновенным садистом, хотя не сознавал этого. Болезненные стоны девчонки усиливали возбуждение. Оргазм наступил быстро. Оттолкнув в сторону всхлипывающую проститутку, Алексей направился к бассейну. Собственно, в сауне их было два: большой и маленький. Большой, с теплой водой, чтобы покупаться в свое удовольствие, маленький, с ледяной, — освежиться после парилки.

В большом бассейне Валера старательно трахал свою девицу. То ли с перепоя, то ли от усталости она отключилась. Голова безвольно болталась из стороны в сторону, время от времени скрываясь под водой.

— Смотри, чтобы не захлебнулась, — лениво посоветовал Кадий. — Потом хлопот не оберешься!

— Ничего с ней не делается, — огрызнулся Валера. — Дай кончить, не мешай!

Пожав плечами, Алексей зашел в парилку. Плеснул на раскаленные камни ковшиком разбавленной пивом воды и забрался на верхнюю полку, с наслаждением вдыхая запах хмеля. На коже мелкими бисеринками начал проступать пот. Тело расслабилось. Кадий подумал, что неделя прошла удачно. Во-первых, две новые тачки прикрутили <Сноска Заставили коммерсантов выплачивать банде дань.>, подкупили нужного мента, а самое главное, пришили Корейца. Кореец являлся земляком Кадия, самым опасным из его бывших врагов. Нет, среди них были, конечно, ребята посерьезнее, но, как говорится, иных уж нет, а те далече. (Надо сказать, что Кадий хорошо усвоил школьную программу, чуть ли не отличником считался.)

Кто-то умер, кого-то посадили. Из «воров», приговоривших его к смерти, остался один Кореец. До сих пор Кадий жил словно на вулкане, каждую минуту готовясь увидеть блеск ножа или услышать грохот выстрела. Но далекие северные «воры», вопреки обыкновению, проявили непростительную беспечность: «Смотался, падло, ну и пес с ним, когда-нибудь разыщем, а сейчас других дел хватает, более насущных». Правильно говорят, измельчали «воры», обленились, зажрались! Пока «воры» занимались «более насущными проблемами» — Кадий не дремал. Трех уничтожили посланные им киллеры, двое ухитрились сесть в тюрьму, а Кореец, наконец сообразивший, откуда ветер дует, отправил в Н-ск боевиков, приводить в исполнение давно вынесенный приговор. Боевики домой не вернулись, а Корейца застрелили в упор, когда под руку с любовницей он выходил из ресторана. Теперь Алексей мог спать спокойно. При этой мысли он

довольно потер ладони. Пока Кадий размышлял — тело хорошо прогрелось, из раскрывшихся пор обильно потек пот. Выскочив наружу, Алексей с радостным визгом плюхнулся в ледяной бассейн. Затем на мгновение зашел в парилку, чуть-чуть отогреться, чтобы не прихватить проклятый радикулит, и вышел снова.

Валера, наконец достигший желаемого результата, сидел на краю большого бассейна, посасывая пиво из банки. Девушка, которая все же не утонула, стояла рядом с ним на четвереньках, мучительно отхаркивая залившуюся в легкие воду.

— Ну ты, сука, пол не пакости! — резко окликнул ее Кадий. — И вообще валите отсюда, сеанс закончен. Деньги получите у Седого.

Избавившись от надоевших шлюх, вся троица уютно устроилась в комнате отдыха за накрытым столом. Банщик Василий постарался на славу. В ведерке со льдом не жились три бутылки русской водки «экспортного варианта», рядом выстроились запотевшие банки пива, манили к себе щедро нарезанные ломти семги, на двух блюдах чернела и пламенела икра разных сортов (кто какую больше любит). Шашлык из молодого барашка источал восхитительный аромат.

— Давай, братва, по первой, — сказал Кадиев, разливая водку в стаканы, — за упокой души нашего кореша — Корейца. Гы-гы-гы...

В больнице первым пришел в себя Колюня, который пострадал меньше других. Поначалу он не сразу уяснил, где находится. Дико болела голова, перед глазами вспыхивали оранжевые искры. В помещении, куда он попал, было темно. Кряхтя и охая, парень сел на жалобно скрипнувшую койку. Когда глаза привыкли к темноте, он понял, что это больничная палата. На соседних кроватях храпели, стонали и рычали во сне человек семь больных. Воздух был густо насыщен тяжелым запахом лекарств, несвежего белья, а также еще чем-то на редкость неприятным. Некоторое время он сидел, припоминая случившееся, но мысли путались, воспоминания были какие-то отрывочные, неполные. Вот они гуляют в кабаке, пьют коньяк, горланят песни. Енот кидает крупные купюры оркестру, заказывает «Таганку». Затем он же, пригорюнившись, вспоминает зону, кореша Петьку, умершего от туберкулеза в лагерной больничке. Все четверо ругаются в полный голос, проклиная подлых ментов. Какой-то чудак в очках делает им замечание (откуда взялся, народ теперь тише воды, ниже травы). Обнаглевшего очкарика выводят в туалет, дают раз по очкам, суют носом в унитаз, — при этом воспоминании Колюня тихо засмеялся. Униженный очкарик жалобно просит прощения: оказывается, он хотел показать себя мужчиной перед женой. Развеселившиеся бандиты великодушно его милуют, наградив на прощание смачным пинком под зад. Затем Колюня танцует с подвыпившей девицей в короткой юбке, шарит у нее под блузкой. Девушка хихикает. Ее ухажер делает вид, будто ничего не замечает, и заливает тоску водкой. Девушка оказывается явной потаскухой. Колюня выводит ее на улицу и трахает прямо в машине. На прощание дает двадцать долларов. Довольна? Теперь проваливай, шалава! Снова зал ресторана. Окосевший Витя блюет на пол. Халдеи благоразумно помалкивают, боятся, гады! Так, теперь все садятся в машину, едут домой. Мотор ломается. Пьяный Енот пытается починить, но без толку! Единодушно решают ловить частника. Дороги пустынные, ребята постепенно звереют. Наконец появляется какая-то тачка. Разъяренный Енот предлагает забрать машину себе, а лохов выкинуть. Пусть помокнут, как они до этого! Дальше... А дальше — словно отрезало, сплошной мрак, озаряемый вспышками боли...

Внезапно Колюня почувствовал, что безумно хочет курить. Пошатываясь на ватных ногах, он выбрался из палаты. Дежурная медсестра спала, уткнувшись носом в стол и как-то странно похрапывая. Полуосвещенный коридор был безлюден, но из курилки, расположенной в дальнем его конце, доносились приглушенные мужские голоса, тянуло манящим запахом табачного дыма. Держась за стены, Колюня побрел туда.

Мужчин в курилке оказалось трое: старик на костылях с загипсованной ногой, коренастый работяга с мозолистыми руками и худой очкастый парень, очень похожий на студента.

— Эк тебя, сынок! — поразился старик. — Ты что, с крыши упал?

— С самолета, — буркнул Колюня.

Все засмеялись.

— Закуривай! — радушно предложил работяга, протягивая пачку «Астры».

Колюня предпочитал «Мальборо», но дареному коню в зубы не смотрят, тем более что своих не было, остались в машине. Сухо поблагодарив, он взял сигарету, присел на лавочку в углу. Вонючий едкий дым обжег горло и легкие. Парень закашлялся, но все равно продолжал жадно затягиваться. Голова немного прояснилась. Стали вспоминаться подробности: огромный кулак, врезающийся в переносицу, падение в грязь. Унылая шутка Витька насчет внешности настоящего боксера. Зловещий черный «БМВ», вынырнувший из темноты. Разъяренный Савицкий с горящими, будто у тигра, глазами. Резиновая дубинка, разбивающая лицо Енота. Ринувшийся на него, Колюню, мордovorот — Малюта, кажется, его кликуха! Резкий удар, боль, темнота. Все ясно!

— Мужики, не знаете, где остальные ребята, с которыми меня привезли? — спросил он.

— Двое в реанимации, очень плохи, — ответил «студент». — Если ты упал с самолета, то они не иначе как со спутника. Третий, постарше, в десятой палате вместе со мной.

— Проводи меня к нему, — попросил Колюня.

— Ладно, докурю вот только.

Енот чувствовал себя отвратительно. Ныла сломанная челюсть, гудела голова, забинтованная почти целиком, так что оставались лишь щелки для глаз и рта. Переломанный нос не дышал, поэтому он не чувствовал противного больничного запаха. Но, помимо запаха, имелось немало других проблем: в ушах стоял непрерывный колокольный звон, к горлу то и дело подкатывала тошнота. Енот, в отличие от Колюни не страдавший потерей памяти, напряженно размышлял, и чем больше он это делал, тем поганее становилось на душе. По сути, первоначальным виновником случившегося был он сам: нарушил нейтралитет между двумя бандами, хотел забрать у пацанов машину, хотя сразу понял — кто они. Если будет разборка — Енот крайним окажется. Он зябко поежился. Быть крайним при столкновении двух сильных банд — одна из самых неприятных вещей, которая может случиться с человеком. Получишь и от тех, и от этих, хорошо еще, если живым оставят. С другой стороны, Савицкий тоже беспредельничал. Ну, дали сгоряча в морду, и хватит, никто бы потом слова не сказал. Так нет, еще раз вернулись, чтобы поглумиться, втоптать в грязь. Славик педрилой обозвал, обещал опетушить. <Сноска Это самое сильное оскорбление для уголовника.>. Интересно, что Кадий по этому поводу скажет?

Енот увидел склонившийся над ним темный силуэт, в котором с трудом распознал Колюню. Лицо пацана раздулось и покрылось багровыми кровоподтеками, нос превратился в лепешку.

— Что тебе? — прохрипел Енот. — Где остальные?

— Витька с Лехой в реанимации, говорят, очень плохи. Я пришел спросить, что делать?

Енот некоторое время размышлял.

— Дозвонись до Кадия, — наконец промолвил он. — Расскажи все как было: остановили машину ребят Савицкого, я их не узнал в темноте, думал, обычные лохи. Они же сразу в драку. Потом вернулись, добились. Мы были в лоскуты пьяные, какие из нас бойцы?! Скажи, двое ребят в реанимации, а Савицкий педрилами обзывал, грозился опетушить. Все понял? Давай!

Енот прикрыл глаза. Хорошо он все-таки придумал. Маленькая, совершенно незаметная добавка лжиставляла случившееся в совершенно ином свете.

Колюня добрал до телефона, расположенного на столике дежурной медсестры. Она к этому времени проснулась и сладко потягивалась, похрустывая суставами. Медсестра была средних лет и средней внешности, не сказать, что урод, но далеко не красавица. Единственным ее достоинством являлась высокая упругая грудь, буквально распиравшая тесный халатик.

— Можно позвонить? — хрипло попросил Колюня.

— Не положено! — автоматически ответила медсестра, зевая во весь рот.

— Ну, пожалуйста, солнышко!

Женщина с интересом посмотрела на парня. Лицо изуродовано, на бритой голове повязка: очевидно, кожа рассечена при падении. Но фигура! Рост под метр девяносто, литые мышцы, которые не могла скрыть даже выдавшая виды больничная пижама. Три верхние пуговицы расстегнулись, обнажая загорелую мускулистую грудь.

Света, так звали медсестру, уже три года как развелась с мужем. Имела, конечно, любовников время от времени, но нормальные мужики попадались редко. Большой частью всякая пьянь. Водку жрать горазды, а дойдет до дела — никуда не годятся. Она ощутила зудящий жар внизу живота.

— Пожалуйста, кисонька, очень нужно! — льстиво повторил Колюня.

— Ладно, звони, только аккуратно, чтобы дежурный врач не заметил.

Колюня не заставил себя долго упрашивать. Набрав номер Кадия, он напряженно вслушивался в длинные гудки. К телефону никто не подходил. Наверное, нет дома. Обзвонив нескольких друзей, парень наконец узнал, что Алексей зависает в сауне. Кадий снял трубку только после двадцатого гудка.

— Ну чего тебе, — ворчливо спросил он, — не спится?

Колюня вкратце рассказал о недавних событиях. Выслушав, Кадиев долго молчал.

— Так! — наконец яростно прошипел он. — Я предвидел, что подобное когда-нибудь случится. Ладно, разберемся! Иди, отдыхай. — В трубке послышались короткие гудки.

Света не слушала их разговор, думая о своем. Ей очень не хотелось, чтобы аполлонистый парень уходил.

— Бедненький, как тебе досталось! — ласково пропела она, придерживая Колюню за рукав пижамы. — Нужно расслабиться?

— А? Что? — машинально спросил Колюня, размышлявший в этот момент о своих проблемах.

— Спирту неплохо выпить! Боль оттянет!

— Где ж его взять?!

— У меня есть немного, — хихикнула медсестра.

Колюня критически оглядел женщину: ни то ни се, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

— Ладно, — согласился он. — Пошли!

В подсобном помещении, куда Света сноровисто притащила полбутылки чистого медицинского спирта, нехитрую закуску и сигареты с фильтром, они уютно устроились на сваленных в углу матрасах. Глотнув полстакана и зажевав соленым огурцом, Колюня с наслаждением курил сигарету, чувствуя, что действительно расслабляется. Рядом вздымалась часто дышащая упругая Светина грудь. «Она вполне ничего», — подумал охмелевший парень, запуская руку под халатик и расстегивая лифчик...

В то время, когда Колюня развлекался в подсобке с медсестрой, Кадий метался по сауне, изрыгая яростную брань. Такой день испорчен! Только избавились от проклятого Корейца, выпили, посмеиваясь, за упокой его души, и на тебе, новые проблемы! Савицкий Кадия давно не нравился, вызывали зависть его авторитет, широкая сеть точек, любовь молодежи района, которой Славик добился своей справедливостью, добродушным, незлобивым характером. К нему часто приходили за советом, за помощью. Он никого не

отталкивал, начитался «Крестного отца», придурок? Понюхал бы ты зону, пожрал лагерной баланды, как Кадий в свое время! Не отсидев ни минуты, его людей пидорасами называет!

Алексей остановился около стола, налил стакан водки и залпом выпил. Закусывать не стал. Затем, не находя выхода душившей злобе, яростно треснул кулаком по столу. Оба товарища удивленно глазели на Алексея, но вопросов не задавали, ожидая, пока шеф успокоится.

Наконец Кадиев опомнился настолько, что смог более или менее связно поведать о случившемся.

— Ну, — спросил он, — что посоветуете предпринять?

— Надо помириться с Савицким, — хмуро сказал Седой. — Война нам сейчас ни к чему.

— Понятно, — процедил сквозь зубы Алексей и повернулся к Валере, — ты что скажешь?

— Думаю, Седой прав, война не нужна! У Славки больше людей, а наши в конце концов сами нарвались!

— Идиоты, — тихо, почти ласково охарактеризовал приятелей Кадий. — Бараны безмозглые! Наши, значит, сами нарвались! Енот говорит, что не узнал пацанов Савицкого, думал, обычные лохи. Врет? Ладно, пускай врет! Хотя, может, спьяну действительно не въехал. Но те, те-то не были пьяны! Савицкий с тех пор, как ему брюхо порезали, вообще не пьет! Однако вернулись второй раз, добились. Двое пацанов в реанимации, у Енота морда — сплошное месиво. Вот ты, Седой, сидел восемь лет, знаешь «понятия». Что будешь делать, если тебя пидором обзовут?

— Убью!!!

— Правильно!!! Савицкий Енота педрилой назвал, обещал на четыре точки поставить! Как тебе это нравится? Молчишь? Ну и молчи! Славка здорово обнаглел, ни с кем не считается, мнит себя хозяином района, королем! Положим, мы спустим дело на тормозах, замнем. Что тогда? А тогда будет вот что: этот Северный район — большая деревня. Слухи разносятся со скоростью света, обрастая по дороге красочными подробностями. Местные станут говорить: кадиевские говно, их бьют все кому не лень, одного даже опегушили и т. д., и т. п.

Валера с Седым подавленно молчали.

— Дальше — больше, — продолжал Кадий, — бригада потеряет авторитет, барыги обнаглеют, перестанут платить, останемся мы, братцы, с голыми задницами. Придется опять куда-нибудь перебираться. Хорошая перспектива!

Кадиев на время замолчал, налил водки, выпил залпом, закурил сигарету.

— Какие теперь будут предложения? — равнодушно спросил он, выпуская кольца дыма.

— Славку придется убрать, — хмуро сказал Валера.

— Наконец-то дошло!!! Лучше поздно, чем никогда. Теперь, пока не напились, давайте обсудим план действий.

И все трое склонились над столом, оживленно беседуя вполголоса.

ГЛАВА 3

На следующее утро Вячеслав Савицкий проснулся от острой боли в области сердца. Проклятая пуля давала о себе знать, к тому же зря он накануне так много выкурил анаши. «Анаша-анаша, до чего ты хороша, — без тебя, анаша, по утрам болит душа», — вспомнились слова популярной песенки. Да уж, хороша, нечего сказать! Наломал вчера дров. Именно проклятый косяк подтолкнул добивать кадиевских. Ольга тоже поспособствовала, истрепала нервы, стерва! Сегодня Славик трезвым умом понимал, что явно перестарался. Не нужно было ехать второй раз забивать ребят до полусмерти! Дали в

морду — и хватит. Тогда бы при любом раскладе его пацаны считались правыми. А теперь?

Могут обвинить в беспределе, тем паче что Савицкий весьма неосторожно бросался словами, обозвал Енота пидором. Позвонить Кадиеву? Помиришься? Ну уж нет. Во-первых, с этой сволочью вообще неприятно разговаривать, во-вторых, слухи пойдут: Савицкий Кадия обосрал, приполз просить прощения! И главное, у кого? У ублюдка, который, удирая из родного города, едва штаны не потерял от поспешности!

Конечно, Кадий вряд ли оставит инцидент без последствий. Выходит, война?! «Ну и пусть, пусть будет война, — в ярости подумал Славик. — Если победим — прекрасно, нет... Что ж, все мы смертные, к тому же надоело все вокруг, хоть волком вой! И не сейчас, давно уже. Тащился по жизни, едва передвигая ноги. Разные высоколобые называют подобное состояние «синдромом усталости» или «вирусом усталости». А, один черт! Жил, чтобы семью обеспечить. Ну, куда этой инфантильной дуре деваться в нынешнее время? На что она годна? Разве только в проститутки! Хрен с ним, будь что будет», — махнув рукой, Савицкий отправился на кухню готовить завтрак. Есть не хотелось, поэтому он решил ограничиться чаем. Послышалось утробное урчанье, и в кухне появился с несчастным видом кот Марсик, страдавший от лени, скуки и избыточного веса. Ради приличия ткнувшись носом в ногу, кот вяло мякнул, давая понять, что не прочь подкрепиться.

— Куда тебе жрать, прорва! — добродушно упрекнул Слава, но все же достал из холодильника кусок говяжьей вырезки. — Лопай, обжора!

Неторопливо обнюхав угощение, кот вопросительно посмотрел на хозяина, понял по взгляду, что «райских птиц» сегодня не предвидится, и принялся неторопливо жевать. С трудом доев завтрак, Марсик хотел было вернуться в комнату, на мягкое кресло, где в полудреме проводил большую часть своей жизни, но почувствовал, что не может этого сделать. Тогда он свалился прямо посреди кухни пузом вверх, дожидаясь, пока переварится пища.

Савицкий неторопливо прихлебывал ароматный индийский чай без сахара, с усмешкой наблюдая за котом.

Послышался звонок в дверь. Пришел Виталик Буйнов, один из рядовых боевиков Савицкого.

— Привет, проходи, — радушно пригласил Славик. В отличие от некоторых других главарей банд он никогда не надувался спесью. Зачем зря обижать людей? Другое дело, если провинятся. Тогда держитесь, а лучше сразу вешайтесь. Если же все в порядке — «Привет, братишка, как дела?»

— Присаживайся, — предложил Савицкий, указывая на стул. — Чаю хочешь?

— Нет, спасибо!

— Что-нибудь стряслось? Рассказывай! — внутренне похолодел Славик. «Неужели опять проклятый Кадий?!» Но на этот раз Кадиев оказался ни при чем.

Вчера вечером, возвращаясь домой, Виталик зашел в небольшой ресторанчик перекусить. Его не смутило, что заведение принадлежало кавказцам, обнаглевшим за последнее время сверх всякой меры. Ресторанчик был до отказа забит «черными» джигитами, оживленно и громко переговаривавшимися на родном языке. Несколько случайных русских чувствовали себя здесь явно не в своей тарелке. Сделав заказ, Виталик закурил сигарету, дожидаясь, когда принесут еду. Но официант не торопился. Прождав полчаса, Виталик решил выяснить, в чем дело.

— Слушай, да? Сэйчас будэт! Падажды мнута! Выдышь, сколько народа? — вальяжно ответил метрдотель.

Вернувшись на место, Виталик обнаружил, что стул его исчез, вернее, перекочевал к соседнему столу, за которым веселилась очередная компания «детей гор». В настоящий момент на Виталином стуле восседала местная шалава, визгливо хихикавшая в ответ на сальные шутки джигитов.

Виталик направился к ним.

— Ребята, вы, наверное, ошиблись, — вежливо сказал он, — это мой стул! Девушка тут же вскочила на ноги, безропотно возвратив требуемое.

Вернувшись к своему столу, Виталик хотел было уже сесть, как вдруг кто-то сзади выбил из-под него ногой стул, а когда он поднялся, то получил удар кулаком в лицо, на который незамедлительно ответил. Налетела толпа джигитов, и Виталику изрядно помяли бока, причем он тоже в долгу не остался. Когда ссора утихла, ставший яблоком раздора злополучный стул снова оказался во владении шалавы, а из кармана Виталика исчез газовый пистолет, которым он в драке не воспользовался. Гадко пускать слезоточивый газ в замкнутом помещении — еще сам наглотаешься!

— Верните газовик! — спокойно сказал Виталик джигитам.

— Вах, вах, какой газовик, нэ знаэм никакой газавык! — нагло улыбаясь, ответили те.

— У меня лежал в кармане газовый пистолет, после драки он исчез. Прошу похорошему, отдайте!

— Ты, навэрна, ыво спьяну потырал! — осклабился самый здоровый из кавказцев, с нахальными круглыми глазами, напоминающими маслины.

— Вы слышали про Северный район? — по-прежнему хладнокровно спросил Виталик.

— Слушай, не надо пугать, морда быть будым!!! — наперебой заговорили кавказцы.

— Хорошо, как хотите, завтра ждите гостей! — Резко повернувшись, он вышел на улицу. Вслед неслись раскаты издевательского хохота.

— Так, — заскрипел зубами Савицкий, — обнаглели чурбаны. Хозяевами себя почувствовали, обормоты! Значит, сказал про Северный район? Правильно, впредь будут знать!

С воодушевлением истинного стратега Славик принялся разрабатывать план карательной экспедиции, которую решил возглавить лично. Для начала он обзвонил шестерых ребят, занимавших в банде ключевые посты. Когда все собрались, Савицкий вкратце изложил суть дела.

— Давить черномазых, башки откручивать, — дружно загалдела возмущенная братва. — Едем прямо сейчас.

— Не гоните коней, — остудил их пыл Слава. — Я знаю этот кабак, там через два дома отделение милиции, действовать надо с умом.

— Мирон, — обратился он к низкорослому рыжему парню с круглым лицом, густо усыпанным веснушками, — собери малолеток и наведи шухер на местном рынке, чтобы ни одного черного не осталось. Только не переусердствуйте, трупов не надо!

Кивнув в знак согласия, Мирон молча вышел. Для начала Савицкий послал в ресторан разведку, чтобы досконально изучить предстоящий театр военных действий. Для этой цели он выбрал из числа собравшихся Кирилла как обладателя наименее зверской физиономии. С глубоким воодушевлением все принялись обряжать его лохом. В первую очередь Кирилла переодели: вместо любимой кожанки и слаксов он скрепя сердце облачился в свадебный костюм Савицкого, затем Славик, несмотря на отчаянное сопротивление, нацепил ему на нос очки с простыми стеклами и критическим взглядом оглядел результат своих трудов.

— Гм, неплохо, — выдал он наконец, — немного ссутулься, сделай испуганную морду. Хорошо, сойдет!

В ожидании результатов разведки все расселись вокруг стола, пустили по кругу косяк. Не теряя даром времени, Савицкий рассказал о вчерашних событиях. Реакция была почти единодушной: давно надо было замочить <Сноска Убить.> гадов! Кадий вконец обурел! Выкинуть падлу из нашего города!

Иное мнение высказал только Юра Воронов, известный своей осторожностью.

— Кадий, конечно, сволочь, — сказал он, когда страсти несколько поутихли, — но сволочь опасная, мстительная. О примирении, я полагаю, не может быть речи, поэтому нужно держаться настороже. На открытую войну он сейчас вряд ли пойдет, однако вполне может выстрелить из-за угла. Тебе, Слава, теперь придется глядеть в оба.

Ребята было накинулись на Юру, обвиняя в паникерстве, но Слава резко оборвал их:

— Ворон дело говорит — от Кадия можно ждать любой пакости. Будем осторожны, не только я, все!

Тем временем вернулся из разведки Кирилл.

— Значит, так, у ресторана два выхода, у бармена за стойкой телефон, — рассказывал он, с наслаждением переодеваясь в свою одежду. — Есть подсобное помещение. Что там — неизвестно. Посетителей ползала. Все черные. За отдельным столиком три мордоворота, ничего не едят, не пьют. Под одеждой у них, похоже, вольны <Сноска Оружие.>. Вероятно, предупреждение Виталика подействовало. Напротив через дорогу другой кабак, тоже «черный». Там еще пять подозрительных жлобов. Между двумя кабаками, которые, судя по всему, принадлежат одному хозяину, курсирует мелкий «чурка». Вот и все. Ах, да! Если исходить из худшего, в подсобке может затаиться хмырь с автоматом.

Савицкий задумался: «Чурбаны явно нас ждут, разработали свой план, на который мы бы и попались, если б были малолетними идиотами. Трое за столом принимают на себя первый удар или, что вернее всего, начинают разводить базар <Сноска Вступают в переговоры.>. Телефон у бармена наверняка спаренный. Он слегка стучит по трубке, в соседнем здании слышат сигнал. В спину нам заходят пять жлобов, под дулами автоматов кладут всех на пол и на расprostертых телах танцуют лезгинку с криками: «Ас-са!» Гениально придумано! Эх, ослы, ослы! Не знаете вы, с кем имеете дело!!!»

Савицкий громко рассмеялся:

— Вот что, ребята, действовать будем так.

В то время, когда Слава разрабатывал план нападения на кавказский ресторан, Мирон с группой бандитов прилпатненного молодняка вершил возмездие на рынке. Сегодня была суббота. Рынок кишел покупателями и продавцами, среди которых добрую треть составляли «черные». Они держались важно, самоуверенно, заламывали за свой, надо сказать, очень качественный товар дикие цены. Вдоль рынка выстроилась цепь коммерческих палаток, около которых тусовались опухшие алкаши в бессмысленной надежде, что у кого-нибудь из приятелей найдется на бутылку. Мирон пересчитал своих подопечных. Шесть человек — не густо! «Ничего, — подумал он, — воюют не числом, а умением».

Для начала Мирон направился к большой зеленой палатке, хозяин которой платил за «крышу» <Сноска За защиту.> Савицкому.

— Привет, Леночка, как идет торговля? — приветливо поздоровался он с хорошенькой продавщицей.

— А-а, — махнула та рукой, — какая может быть торговля, одна пьянь голозадая кругом.

— Как тебе не стыдно, Лена?! — театрально возмутился Мирон, намеренно повышая голос, чтобы слышали алкаши. — Это ж наши люди, русские.

В глазах измученных похмельем мужиков загорелась надежда.

— Вот что, милашка, — обернулся Мирон к продавщице. — Дай сюда ящик водки и пятнадцать стаканов. Запишешь на Славкин счет!

Равнодушно пожав плечами, Лена исполнила требуемое.

— Угощайтесь, ребята! — великодушно предложил Мирон и, не слушая благодарностей, двинулся к торговым рядам. По дороге он подмигнул своим пацанам: «Пора приступить к намеченному плану».

Первой жертвой он выбрал толстого носатого азербайджанца, важно восседавшего на перевернутом ящике. Перед ним высилась гора спелых помидоров. В кармане хрустела внушительная пачка денег.

— Простите, сколько стоят помидоры? — робко спросила бедно одетая женщина средних лет и, услышав ответ, всплеснула руками: — Боже, какой ужас!

— Нэту дэнэг, да? Ты ныщый? Тада нэ ходы на рынок! — громко ответил торгош. Женщина залилась пунцовой краской. Казалось, она вот-вот заплачет. Но тут в дело вмешался Мирон:

— Ты что, черножопый, наших женщин обижаешь?! Езжай к себе домой, там наглеть будешь!

Азербайджанец изумленно разинул рот и вскочил на ноги, а Мирон тем временем сгреб с прилавка как минимум килограммов пять помидоров и запихал их растерявшейся женщине в сумку.

— Грабунт! — опомнился наконец торгош, и в этот момент Мирон изо всех сил врезал ему в челюсть. Толстяк плюхнулся задом прямо на асфальт, а один из Мироновых ребят разломал об его голову деревянный ящик, только что служивший торговцу сиденьем.

Остальные пацаны двинулись вдоль рядов, переворачивая лотки с товаром южных гостей и лупя продавцов чем попало.

— Люди! Чурки русских бьют! — завопил Мирон на весь рынок, хотя в действительности дело обстояло совсем наоборот. — На помощь!

Призыв не остался без внимания. Первыми на него откликнулись опохмелившиеся пьянчуги, быстро сообразившие, что у «черных» есть чем поживиться. Они-то и составили ядро возмущенных народных масс. Постепенно драка сделалась всеобщей. Скоро в ней уже принимали участие продавцы других национальностей, недолголюбивавшие наглых, заносчивых южан. Кавказцев били ящиками, подносами, выломанными из забора штакетинами, даже арбузы об головы раскалывали. Кое-кто по ходу дела отнимал деньги. Доселе мирный рынок напоминал теперь побоище, какие случаются между болельщиками соперничающих команд американского футбола.

Убедившись, что все идет как надо, Мирон быстро собрал своих.

— Теперь линяем по-тихому, братва, — сказал он, — сейчас мусора нагрянут.

Мирон оказался прав. Едва они успели отъехать, на рыночную площадь ворвалось пять милицейских машин, воющих сиренами и сверкающих мигалками.

В это самое время к злополучному кавказскому ресторану тихо подъехали три битком набитые машины во главе с черным «БМВ» Савицкого. Из них высыпали пятнадцать ребят. Роли были заранее распределены. Двое пацанов ринулись к черному ходу, трое, получившие инструкцию всех впускать, но никого не выпускать, стали у парадного, остальные вошли внутрь. Слава вытащил из-под плаща автомат «узи» и навел на опешившую публику. Его боевики тоже не дремали: один бросился в подсобку, где, вопреки ожиданиям, вместо автоматчика оказалась только насмерть перепуганная посудомойка, другой перерезал ножом телефонный провод, третий, наставив на отдельно сидевших мордovorотов автомат, скомандовал: «Руки на стол!», четвертый обыскал их, с удовлетворением обнаружил два «макарова» и один «ТТ». Остальные блокировали столики, за которыми сидели кавказцы. Посреди зала остались Слава с Виталиком. Все эти события происходили в одно и то же время. Никто даже опомниться не успел.

— Так-так! — ехидно пропел Савицкий. — Пересрали, черножопые?! Думаете, в России можно борзеть как угодно?!

— Слюшай, пагады, брат, — льстиво начал столь надменный вчера метрдотель, но вместо ответа Слава резко ударил его кулаком в лицо.

— Какой ты мне брат, падло?! Засунь язык в жопу!

— Вчера здесь обидели моего парня! — обратился он к остальным. — Человек ничего плохого вам не сделал, даже после того, как на него напали, пытался объясниться

по-хорошему. Вы же, насколько я вижу, человеческого языка не понимаете. Поэтому с вами будем говорить по-другому.

— Лечь на пол, быстро! — вдруг заорал Савицкий диким голосом. — Всех перестреляю! Виталик, — обратился он к товарищу. — Выбери из этого говна тех, кто был вчера, а ты, Серега, вытряси кассу.

Пока Серега выгребал выручку у всхлипывающего бармена, пока вытрясал белого, словно мел, метрдотеля, Виталик старательно разыскивал вчерашних знакомых. Это было непросто, поскольку для него, коренного жителя Н-ска, все кавказцы казались на одно лицо. Наконец он все же выявил четверых.

— Они твои, — великодушно разрешил Савицкий.

Вчерашние джигиты имели теперь на редкость жалкий вид и даже не помышляли о сопротивлении. В первую очередь Виталик занялся бугаем с глазами-маслинами, который давеча утверждал, что газовик «спьяну патэран». Ногой в пах, ребром ладони по шее, мордой об стол.

— Спьяну, говоришь, — рычал взбешенный Виталик. — Сейчас ты у меня выпьешь! — С этими словами он разбил о голову бугая взятую со стойки бутылку дорогого коньяка. Тот, потеряв сознание, грудой осел на пол.

Развернувшись на каблуках, Виталик, не теряя даром времени, врезал пяткой в грудь следующему. Тот отлетел прямо на Савицкого и, получив коленом по почкам, упал, извиваясь от боли. Третьему достался удар ладонью снизу, тут же превративший нос в окровавленную лепешку. Четвертый попытался сопротивляться, и вот ему-то влетело больше всех. Виталик избивал его долго, упорно и напоследок плюнул в разбитое лицо. В этот момент в ресторан зашел «мелкий чурка», в обязанности которого входило в сегодняшней день поддерживать связь между двумя филиалами, на тот случай, если откажет телефон. Надо сказать, что «мелкий» он был только по росту, а так довольно коренастый, лет сорока.

Увидев происходящее, он попытался смыться, но жестоким ударом приклада Слава уложил его на пол.

— Давайте, ребята! — махнул он остальным, и те принялись усердно претворять в жизнь вторую часть плана: бить видеоаппаратуру, мебель, кромсать ножами скатерти. Напоследок собрали со стойки все бутылки и раскололи об пол. Воздух загустел от запаха разлитого спиртного, под ногами хлюпало.

— Угощайтесь, халява! — ехидно предложил Савицкий, указывая кавказцам на залитый винами и коньяком пол, и, уже направляясь к двери, добавил: — На будущее даю вам хороший совет — будьте любезнее с посетителями!..

Удачно исполненная карательная экспедиция привела Славу в хорошее настроение, которое не оставляло его до самого дома. Однако у дверей собственной квартиры Савицкого едва не хватил удар. У порога стояли крышка гроба и роскошный траурный венок.

«Боже, — подумал он, хватаясь за мучительно заболевшее сердце. — Неужели с Ольгой или с ребенком что случилось?» Но, прочитав надпись на венке, он понял: Ольга тут ни при чем. Затеяливо выполненная надпись гласила: «Вячеславу Савицкому от друзей. Мир праху твоему». Кадий объявил войну.

ГЛАВА 4

Рано утром зазвонил телефон. Савицкий не сразу услышал его, сегодня почему-то спалось на редкость крепко, да и сон был приятным: огромное озеро, окруженное белоснежными березами. Зеленый луг, по которому он гулял под руку с Таней, своей первой, юношеской любовью.

Проклятый настырный звонок отобрал все это. С трудом разлепив глаза, Слава взял трубку.

— Слушаю, — сердито буркнул он.

— Получил подарочек? — осведомился незнакомый голос.
— Кто говорит?!
— Ты мертвец, понял? Мертвец! — В трубке послышались короткие гудки.
— Мудак ты, Кадий, — равнодушно сказал Савицкий, хотя, кроме кота, никто его слышать не мог. — К чему такие дешевые эффекты?

Он попытался снова заснуть, хотелось опять очутиться на зеленом поле вместе с Таней, но ничего не получалось. Когда же наконец стало возникать ощущение дремоты, предвещавшее благодатный сон, телефон зазвонил снова. На сей раз это оказалась жена. Предлагала встретиться, помириться. Небось увидела в магазине роскошную побрякушку, вот и вспомнила о муже!

— Оля, пойми, нам нельзя сейчас вместе жить, — терпеливо объяснял он. — Нет, не завел другую бабу. Просто у меня крупные неприятности. Тебе следует держаться подальше. Да перестань ты о бабах! Скажи лучше, сколько денег нужно? Сколько? Хорошо, сегодня занесу!

«Вот вам и любимая жена, — грустно подумал он, вешая трубку на рычаг, — даже не спросила, какие неприятности, зато при упоминании о деньгах сразу успокоилась! Какого хрена женился?»

Не найдя ответа на этот любопытный вопрос, он плюнул в сердцах, потом покормил кота и неожиданно для себя решил поехать на природу.

Погода выдалась хорошая. Настоящее бабье лето. Уже стоя у дверей, Савицкий подумал, что не мешало бы прихватить оружие. Если Кадий объявил войну, удара можно ожидать в любой момент.

Несясь на бешеной скорости по шоссе, он с наслаждением вдыхал бьющий через открытую форточку ветер. Он любил быструю езду, а еще — животных и осенний лес. Как там, должно быть, красиво теперь, а главное, тихо: не слышно людского гама, ругани, сопения. Увлеченный подобными мыслями, Савицкий не обратил внимания на синий «Шевроле», упорно следующий в отдалении за ним. У опушки леса Славик затормозил, закрыл машину и углубился в заросли. Боже, до чего хорошо! Почему теперь так редко удается выбраться в лес? В детстве он ходил сюда часто, пек с мальчишками-приятелями картошку на костре, когда стемнеет, любовался мерцающим пламенем. Как давно все это было!

Позади хрустнули ветки. Слава насторожился, прислушался: осторожные, крадущиеся шаги. Не искушая судьбу, он ничком упал на землю. Как выяснилось, вовремя. Автоматная очередь с треском разорвала прозрачный воздух. Откатившись в сторону, Савицкий спрятался за поваленное бревно и притворно застонал. Пускай думают, что он ранен, тогда придут добивать. Уловка сработала. Из кустов вышел один из кадиевских ребят, с «калашниковым» в руках. Настороженно озираясь, он двинулся к бревну, из-за которого слышались стоны. Аккуратно прицелившись, Слава выстрелил из своего «ТТ». Пуля попала прямо в сердце. Парень выронил автомат, удивленно разинул рот и грохнулся навзничь. В лесу воцарилась тишина. Некоторое время Савицкий ждал — не появится ли еще кто. Прошло полчаса. Никто не приходил. Очевидно, убийца приехал один. Осторожно поднявшись, Слава подошел к несостоявшемуся киллеру. Парень лежал на жухлой траве, раскинув руки и запрокинув бритую голову. В широко открытых зеленых глазах застыло удивление. Симпатичное молодое лицо было смертельно бледно. Совсем мальчишка, не больше двадцати лет. На мгновение в сердце Савицкого шевельнулась жалость, но он тут же отогнал ее в сторону. Какого черта, этот бык хладнокровно стрелял ему в спину, а потом небось гордился бы, бахвалился, как лихо завалил <Сноска Убил.> Славу.

Выйдя из леса, он обнаружил синий «Шевроле», принадлежавший кадиевцу. Машина была пуста. Убийца действительно явился один. Какая глупость! Тачка наверняка угнанная, вряд ли на своей на мокруху поедут. Ну и пусть здесь стоит, вот ментам радость будет! Однако труп необходимо спрятать, не хватало, чтобы легавые

рыться начали. Без них хлопот достаточно. Вернувшись к убитому, Слава тщательно собрал все гильзы, присыпал землей и листьями следы крови. Ее, впрочем, было не так уж много. Хорошо, что не в голову стрелял! Затем подогнал поближе свою машину, туго перетянул рану мертвеца его собственной рубашкой и с трудом зачихал тело в багажник. Здоровый кабан оказался! Куда его теперь? В реку? Всплывет рано или поздно. Закопать? Тоже полной гарантии нет. Ах, ну да, как он мог забыть? Есть же Федька-могильщик, за которым остался неоплаченный должок! Савицкий, подобно дону Корлеоне, никогда не отказывал людям в помощи: во-первых, по причине врожденного добродушия, во-вторых, из соображения — авось пригодятся! «Иногда самый маленький, незаметный человек может оказаться полезен. Ну, а если нет — Бог с ним», — рассуждал Слава.

В тот раз Федька-могильщик, азартный игрок, крупно проиграл в карты своим товарищам по работе. На кладбище трудились в основном бывшие зеки, и порядки там были соответствующие. Федьку недвусмысленно предупредили: через два дня не расплатишься, посадим на нож. Карточный долг — святое дело! Тут бы Феде и конец пришел, да, на его счастье, кто-то надоумил обратиться за помощью к Савицкому.

— Карточный долг действительно святое дело, — внимательно выслушав, сказал Славик и достал из буфета пачку денег. — Держи, отдашь ребятам. Не волнуйся, сроки назначать не стану! Вернешь, когда сможешь!

Но долг Федька отдать не мог, поскольку все свои заработки пропивал или проигрывал в карты, и Слава уже начал забывать о нем, но сейчас вспомнил. При сложившихся обстоятельствах игрок-могильщик был очень кстати. Выгнав машину на дорогу, Савицкий снова вернулся в лес. Землей, опавшими листьями и сухими ветками тщательно замаскировал следы, оставленные «БМВ». Затем осторожно, на небольшой скорости, дабы не вводить в искушение гаишников, двинулся по направлению к кладбищу.

Федор Гришин сидел в раздевалке и подкреплялся водкой вместе с двумя приятелями. Начальство куда-то слиняло, поэтому вся троица пребывала в состоянии глубокого душевного покоя, сравнимого разве что с нирваной. Они недавно вернулись с похорон, где, кроме обещанных денег, получили еще три бутылки на помин покойника. Жмуриков <Сноска Покойников.> в этот день оказалось почему-то мало, и следующее погребение должно было состояться только через два часа. Могилу для очередного «квартиранта» приготовили с утра, и в настоящий момент мужики наслаждались заслуженным отдыхом.

— Много народу помирать нынче стало, — говорил самый старший из могильщиков, дядя Вася, — и все больше молодежь! Вон сегодня чувака закопали — сорок лет с небольшим.

— Как он к нам попал, не знаешь? — спросил Федя.

— Как-как. Возвращался поздно вечером домой, трезвый, кстати. Дали чем-то по башке, забрали получку — тысяч сто всего. А у него жена, трое детей!

— Сволочи! — возмутился третий могильщик, жилистый молодой парень, в прошлом студент.

— Или девчонка семнадцатилетняя, что утопилась давеча в реке, — продолжал дядя Вася. — Говорят, беременная была, а какие-то козлы ее изнасиловали. На следующий день выкидыш...

— Из-за этого сейчас не топят, — усомнился Федя.

— А я говорю, так было! — рассердился дядя Вася. — Иду вчера вечером мимо ее могилы, слышу стоны, неприкаянная душа где-то здесь бродит, ни Бог, ни дьявол ее не принимает. Так и будет скитаться по кладбищу до Страшного суда...

— Привет, мужики, отдыхаете? — послышался с порога приветливый голос, и Федька оцепенел от ужаса, узнав Савицкого. «За долгом пришел! — мелькнула мысль. — Ох, что будет! У меня, как назло, ни копейки».

— Можно тебя на минуту, Федя? — подтверждая его подозрения, позвал Слава.
— Разговор серьезный есть.

На подгибающихся от страха ногах могильщик послушно вышел из раздевалки.

— Извини, Славик, — умоляюще начал он, когда они оказались наедине. — Я гол как сокол, но, ей-Богу, к концу недели соберу бабки.

— Бабки? — искренне изумился Савицкий. — Зачем мне они?

— Тогда что?!

— Я пришел просить о дружеской услуге, окажешь ее — все долги забудем, полный расчет!

— Какая услуга?

— Пойдем, покажу!

Подойдя к своей машине, Слава на секунду приоткрыл багажник. Увидев скрюченный труп, Федя невольно отшатнулся.

— Не поднимай шума, — в тихом голосе Савицкого послышалась угроза. — Этот гад хотел меня убить, в спину стрелял. Нужно, чтоб он бесследно исчез. Пусть тот, кто его послал, поломают голову.

— Как мы это сделаем?

— Все проще пареной репы, неужто таких вещей не знаешь? А еще на кладбище работаешь! Есть готовая могила? Чудесно! Когда похороны? Еще лучше, времени хватит! Бери несколько досок и пошли. Остальным ни слова!

Могила, готовившаяся принять очередного постояльца, находилась в дальнем конце кладбища, которое непрерывно росло, давно перешагнув за первоначально отведенную территорию. Здесь не было памятников, бережно выкрашенных оград — только не успевшие осесть свежие холмики да груды траурных венков с искусственными цветами. Закапывали тут народ небогатый. Конечно, в центре кладбища, даже у самого входа, имелись свободные места, но предназначались они для мертвецов состоятельных и стоили бешеных денег. Прямо за могилой начиналась небольшая роща, которой в ближайшем будущем тоже предстояло стать местом захоронения.

Савицкий подогнал «БМВ» почти к самой яме.

— Лезь вниз и рой глубже, примерно на метр, — приказал он.

Федька, уже начавший понимать Славкин план, послушно прыгнул в могилу. Работал он изо всех сил, стремясь как можно скорее покончить со всем этим. Вздрагивал от каждого шороха. Казалось, с минуты на минуту нагрянут менты, найдут труп, повяжут обоих. И тогда Федя пойдет как соучастник. Однако все вокруг было тихо. Легкий ветерок шелестел листвой, чавкала под лопатой сырая глина, тяжело пахло разрытой землей. Стоящий на краю могилы Савицкий спокойно курил сигарету. Закончив, Федя с трудом выбрался наверх.

— Молодец! — похвалил Славик. — Быстро управился! Теперь помоги мне. Бери его за ноги.

Вдвоем они вытащили труп из багажника, бросили в яму. Затем тщательно заложили досками. Сверху насыпали земли, слегка утрамбовали. Могила приобрела прежний вид.

— Неплохо, да! — криво улыбаясь, сказал Савицкий. — Хрен его когда найдут! Сейчас будут похороны, в яму опустят гроб, поплачут, закопают, навалят венков — затем поедут пить водку! Никому и в голову не придет, что в могиле еще один. А мертвецам все равно, вдвоем им даже веселее будет. — Неожиданно лицо его стало печальным. — Все-таки жаль парня, совсем молодой! Но что мне оставалось делать?! Кого здесь хоронить будут, не знаешь? — сменил он тему разговора.

— Какую-то женщину!

— И скоро?

— Час остался.

— Ладно, отгоню машину, потом приду поглядеть, или знаешь что? Хочешь выпить со мной?

— Так ты вроде... — удивленно начал Федя.

— Э, ладно, сегодня можно! К тому же отмазка хорошая для твоих корешей. Встретил старого друга, хлопнули по маленькой... Чтобы не обижались, им тоже привезем! Поехали!

«БМВ» быстро домчался до ближайшей коммерческой палатки. Савицкий купил три бутылки «Абсолюта», немудреную закуску, пластмассовые стаканчики. Вернувшись на кладбище, они загнали машину в укромный уголок и расположились на скамеечке, около заботливо ухоженной могилы, украшенной внушительной плитой из черного гранита.

— Пусть каждый наливает сам сколько хочет, — предложил Слава и плеснул себе на донышко. — Мне много нельзя, — пояснил он, — а ты не стесняйся!

— Ну давай, за упокой души того парня, жаль, не знаю, как его зовут! — произнес тост Савицкий и опрокинул в рот содержимое своего стакана. Федя не постеснялся, хлопнул целый. Водка успокоила нервы. Совершившееся начало представляться в ином свете. Действительно, чего страшного? Никто не догадается искать здесь жмурика. Кроме того, со Славкой в расчете. Опорожнив еще стакан, Федя вдруг подумал, что можно подобное дельце провернуть и еще раз, на этот раз за деньги. До чего хреново, когда карман пустой!

Словно прочитав его мысли, Савицкий достал из кармана несколько пятидесятитысячных купюр.

— Держи, братан, — сказал он, — не тушуйся, это не в долг, просто по дружбе!

— Будет еще подобное дело, обращайся прямо ко мне! — сказал охмелевший могильщик. Слава пристально, изучающе посмотрел на него. Под этим цепким взглядом Федору сделалось не по себе.

— Спасибо, — промолвил наконец Савицкий, — я так и сделаю. Только гляди, не распускай язык!

В глазах Славика сверкнула молния. Федор вздрогнул, представив себя на мгновение на месте того парня.

— Ну, ну, успокойся, — заметив его страх, добродушно улыбнулся Славик. — Пойдем, угостим твоих ребят...

Бедные похороны проходили быстро, суетливо. Подвыпившие родственники поспешно, торопясь покончить с неприятной обязанностью, целовали в лоб мертвую женщину, на лице которой застыло усталое выражение. Казалось, она тоже хотела, чтоб все это побыстрее кончилось и люди, постоянно отравлявшие ее и без того безрадостную жизнь, а теперь изображавшие лицемерное горе, ушли. Родичам, в свою очередь, не терпелось вернуться домой, где ждал накрытый для поминок стол. Поплакав для приличия, гроб опустили в могилу, закидали землей и водрузили сверху дешевый бумажный венок. Затем, приняв по стакану, отправились восвояси. Никто не заметил стоявшего в отдалении хорошо одетого мужчину лет тридцати. Когда все ушли, он подошел к свежему холмику, положил на него букет ярко-красных роз и, резко повернувшись, зашагал к своей машине...

Вернувшись домой, Савицкий позвонил Мирону, которому доверял больше других. Слушая рассказ шефа, Мирон бледнел на глазах, но бледность эта была не от страха, от злости!

— Нельзя оставлять дело без последствий, — решительно сказал он, — нужно нанести ответный удар, иначе Кадий вконец обнаглеет.

— Опять мокруха?! — поморщился Слава.

— Не обязательно, можно по-другому! Кадий держит через подставных лиц большой коммерческий магазин, где торгуют мебелью, видеоаппаратурой, мехами! Он

имеет оттуда хорошие лавы. Разгромим магазин, самое ценное вывезем, остальное спалим! Людей Кадий не особо жалеет, но денежки любит. Тем паче что он вложил в магазин свои средства. Это будет чувствительный удар...

— Что ж, — согласился Савицкий, — хорошая идея!

Объект, предназначенный к разгрому, уже закрывался, когда к нему подкатили две белые «девятки». Магазин располагался в отдельном здании, приобретенном Кадиевым за астрономическую сумму. Выпроводив последних посетителей, заведующий хотел уже закрывать дверь, как вдруг перед ним появилось несколько крепких парней с автоматами в руках. Завмаг несказанно удивился. Всем было известно, что магазин принадлежит Кадиеву, и ни одна банда сюда не совалась. Кому охота развязывать войну? Может, залетные? Но тут он узнал одного из боевиков Савицкого. Что за чертовщина?

— Ребята, это магазин Кадия, — начал заведующий.

— Знаем без тебя! — оборвал его Мирон. — Закрой пасть, пока цел.

Налетчики ворвались внутрь. Один быстро перерезал телефонный провод, другой, подталкивая дулом автомата, согнал в кучу опешивших продавцов.

— Кадий нам кое-что должен! — объявил Мирон и вдруг рявкнул: — Дневную выручку быстро!

Денег набралась изрядная сумма. Вещи брать не стали. Перепуганных людей дулами автоматов вытолкали на улицу, видеоаппаратуру разбили прикладами.

— Передай Кадью привет от Славы, — процедил Мирон в лицо трясущемуся завмагу. — Давайте, ребята, — обернулся он к своим.

Внутри здания полетели бутылки с зажигательной смесью. Магазин мгновенно вспыхнул ярким веселым пламенем.

— По коням! — скомандовал Мирон, и, погрузившись в машины, боевики Савицкого уехали.

— Черт бы побрал всех этих бандитов! — пробормотал себе под нос совершенно выбитый из колеи заведующий. — Буду искать другую работу! Сводят счета, а я за них отдувайся. Слава Богу, хоть не убили. И на том спасибо!

ГЛАВА 5

В то время, как происходили вышеописанные события, Алексей Кадиев с нетерпением ожидал вестей от своего киллера. Он был уверен, что Серега не промахнется. Именно этот парень лично ликвидировал трех посланных Корейцем боевиков. Серега был прирожденным убийцей: отлично стрелял, в совершенстве владел рукопашным боем и, что самое главное, не испытывал ни малейшей жалости к своим жертвам. В том, что он прихлопнет Савицкого, Алексей ни минуты не сомневался. Правда, Кадью не понравилось, что Серега сегодня проявил строптивость, поехал на дело на собственной машине, а не на угнанной, как он ему настойчиво советовал. Ну ничего, не страшно, с годами поумнеет. Главное, работу свою делает на пять с плюсом.

Кадий опустил в низкое кресло, налил бокал мартини. Нажав кнопку дистанционного управления, включил телевизор. Выступала популярная рок-группа. Длинноногие девицы в юбках, едва прикрывающих трусы, скакали по сцене, словно кенгуру, создавали фон. Волосатый, бородатый солист в невообразимо идиотском одеянии извивался у микрофона, завывая дурным голосом. Кадий презрительно сощурился: «Тяжелый рок! Тьфу!» Человек старшего поколения, а было Алексею уже за сорок, он не признавал всю эту новомодную дребедень, да и вообще музыку не любил, за исключением блатных песен. Однако создававшие фон телки ему понравились. Как приятно небось засадить между этих стройных ножек. Делать все равно было нечего, и, немного подумав, Кадиев набрал номер телефона фирмы, поставившей девочек по вызову. Фирма находилась у него «под крышей», поэтому шлюх присылали бесплатно.

Приехавшая девица, скрывая отвращение, глядела на изрытое оспой лицо бандита. «Опять на «субботник», — с раздражением думала она. — Володя явно невзлюбил

меня, за последнее время ни одного хорошего заказа, а как бандюг бесплатно ублажать — вперед, Ларисочка!» Уйти, однако, было некуда: ни кола ни двора. Приехавшая из далекой, глухой провинции, Лариса оказалась полностью во власти сутенера. Только рыпнись — выкинет на улицу как собаку. Придется возвращаться домой, в грязную, вымирающую от пьянства деревню, где все равно не будет покоя — начнут таскать по кустам воняющие сивухой скотники и трактористы. Да дадут ли еще уехать? «Убью, закопаю! — грозился пьяный Володя. — Никто не найдет, кому ты нужна, прошмандовка?!» Может, врет, а может, и нет. За последнее время девушка столько всякой мерзости насмотрелась — не приведи Господь!

Кадиев тем временем выключил видеоманитофон с порнографической кассетой, уселся в кресло напротив экрана и, распахнув полы махрового халата, достал наружу сморщенный красноватый член, окруженный неряшливыми волосами.

— Соси! — приказал он.

С трудом преодолевая тошноту, девушка принялась делать минет. Густая вонючая волосня Кадиевого паха забивала глаза. Член же упорно не вставал. Неизвестно, что тут было виной, но Алексей обозлился на девчонку.

— Ничего не умеешь, шлюха! — злобно процедил он. — Где Вовка набирает таких коров?

С этими словами Кадий с силой оттолкнул от себя Ларису. Она упала навзничь, больно ударившись затылком.

Боль, обида, накопившиеся за последние месяцы, отвращение толкнули ее на необдуманные слова.

— Ты бы хоть помылся сперва, — со слезами на глазах сказала девушка.

— Что?!! — вскочил взбешенный Кадий. — Ах ты, паскуда!

С этими словами он резко ударил Ларису кулаком в лицо, затем ногой в живот.

— Ты кого мне прислал, пидор! — злобно рычал в трубку Алексей, а сутенер на другом конце провода трясся от страха. — Я тебе, падло, яйца отрежу!

— Алексей, Алексей, не надо! — зачистил перепуганный Володя. — Сейчас приедет самая лучшая девочка, будешь доволен, клянусь!

— Ладно, — смягчился Кадиев. — Пусть едет. А эту шалашовку забери отсюда и устрой ей райскую жизнь, понял?!

Через пятнадцать минут охранники сутенера привезли новую проститутку, а плачущую Ларису запихали в машину.

— Всех нас подставила, курва, — процедил один сквозь зубы, — ну, шеф тебе покажет!..

Новая девица, высокая стройная блондинка, старалась вовсю. Под тихую музыку медленно разделась, сладострастно извиваясь, с высоким профессионализмом сделала минет. Затем, когда навалившийся сверху Кадиев тыкался в нее своим коротким отростком, страстно стонала, изображая экстаз. «Кончай же быстрее, грязная свинья, — хладнокровно думала проститутка. — Мне еще сегодня деньги зарабатывать надо».

В конечном итоге Кадий остался доволен. Выпроводив девицу, он налил себе рюмку коньяка, с наслаждением выпил. Затем, усевшись в кресло, закурил сигарету, пуская под потолок кольца дыма. В это время зазвонил телефон. Алексей взял трубку. Это был Марат, старый кореш, приехавший вместе с Кадием из далекого северного города. По мере рассказа Марата бандит все сильнее менялся в лице. Выслушав до конца, Кадиев бросил трубку и затрясся в припадке ярости. Серегину машину обнаружили на обочине шоссе, сам он исчез, наверняка убит. Более того, боевики Савицкого разгромили и сожгли его магазин, в который было вложено столько денег! Проклятый Слава оказался не лыком шит. В ответ на покушение немедленно нанес два сокрушительных удара. Война, которую Кадий считал «блицкригом», начинает принимать затяжной, кровопролитный характер.

— Хорошо, — скрипнул зубами Кадий, — я тебе покажу, щенок...

Было около одиннадцати часов вечера, когда Виталик наконец вернулся домой от своей очередной подружки. Катя, неистощимая в постельных ласках, вымотала его до предела. Гибкая, стройная шатенка с полными бедрами, она умела разжигать в парне страсть, даже когда он, вымотанный бурной, бессонной ночью, считал, что уже ни на что не годен. Впрочем, тянуло Виталика к ней не только поэтому. Катя умела прекрасно готовить, создавать уют. Ее маленькая квартирка сияла чистотой, но не такой, как у некоторых чистюль-хозяек, у которых боишься ступить на сияющий паркет или не решаешься до чего-либо дотронуться и только думаешь, как быстрее отсюда смыться! Нет, в Катиной квартире все было естественно, и Виталик чувствовал себя там вполне непринужденно. «Может, жениться?» — неожиданно подумал он, немало при этом удивившись. Как большинство людей его возраста, Виталик являлся убежденным браконенавистником и при виде загса, свадебной фаты, украшенных пупсами и цветами машин его бросало в мелкую дрожь. Но сейчас мысль о браке не вызвала отвращения. «Действительно, почему нет? — сказал он себе. — Катя отличная хозяйка, красивая баба. А что не девочка — ерунда! Где их теперь возьмешь!»

Не торопясь выходить из машины, Виталик закурил сигарету, размышляя о будущей семейной жизни. Пожалуй, он переедет жить к Кате, только собаку с собой возьмет. Родители даже рады будут, просторнее станет в малогабаритной «хрущевке», да и не очень-то они жаловали сына с самого детства. Вечно грызлись как кошка с собакой. Мать пилила отца — мол, мало зарабатывает, сама ходила налево, а отец с горя пил, лупил сына. В детстве Виталик всегда болтался драный, голодный, часто сбегал из дома, за что и был поставлен на учет в детской комнате милиции. Но родителям он все равно будет помогать материально, жаль все-таки стариков. А с Катей они будут жить по-другому, по-хорошему...

Увы, мечтам парня не суждено было осуществиться, поскольку жить ему оставалось считанные часы.

Едва Виталик вышел из машины, как сзади на него обрушился тяжелый удар. Мир в его глазах перевернулся вверх ногами и исчез. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит в сыром подвале, крепко связанный по рукам и ногам. Сквозь неплотно прикрытую дверь просачивалась узкая полоска света. Вдалеке слышались приглушенные голоса. Парень не мог сообразить, куда попал, кому понадобилось забрасывать его в эту вонючую яму. Менты зацепили? Нет. Помещение ни в коем разе не напоминало КПЗ. Обычный подвал, судя по размерам, в частном загородном доме.

На лестнице послышались шаги, дверь открылась. В проеме показалась темная фигура, в которой Виталик с удивлением узнал Кадиева.

Рядовой боевик, он еще не знал о начавшейся между бандами войне. После разгрома кавказского ресторана он сразу уехал домой, а оттуда к Кате.

Кадиев пошарил рукой по стене, разыскивая выключатель. Неяркий желтый свет залил подвал. Кадий долго, упорно разглядывал связанного парня.

— Привет, гаденыш! — наконец процедил он.

— В чем дело, Кадий, за что меня схватили? — спросил Виталик. Голос его слегка дрожал.

— А ты не знаешь?

— Нет, откуда?

— Сейчас объясним! Сыч, Серый, идите сюда, — обернувшись в сторону лестницы, позвал Кадиев. В подвал ввалились двое его приближенных. Один держал в руках газовую горелку, другой щипцы, стальную миску и кусок свинца. При виде этих зловещих предметов сердце несчастного парня замерло от страха.

— Где Серега?! — рявкнул Сыч. При этом во рту его сверкнули золотые фиксы.

— Что? Серега?! Откуда мне знать!

— Дурака валяет, козел, — констатировал Серый. — Ладно, поговорим по-другому, — добавил Виталик был не единственным, на кого обрушилась сегодня месть

Кадиева. Мелкая сошка, он лишь случайно попал под кровавую косу. Но Мирон мелкой сошкой не был, поэтому для его поимки Кадий отправил не двух, как в случае с Виталиком, а четверых человек. Однако Мирон не был и новичком. Пройдя жестокую школу афганской войны, побывав на многих мафиозных разборках, он обладал звериным чутьем. Вот и сейчас, остановив машину возле своего подъезда, он нутром почувствовал опасность. Во дворе было темно. Фонарей здесь сроду не водилось, и единственным источником света являлись слабые блики, падавшие из окон домов. Тем не менее Мирон заметил четыре смутные фигуры, окружающие машину. «Живьем хотят взять, — подумал он. — Кадий желает поизмываться напоследок. Ладно, посмотрим!» Выйдя из машины, он моментально нырнул под нацеленный в голову удар и, выхватив из кармана нож, загнал его в тело нападавшего по самую рукоятку. Послышался глухой стон, тут же перешедший в хрип. Не мешкая, Мирон сделал изворот вперед, прямо под ноги второго кадиевца и, когда тот обрушился сверху, резким рывком свернул ему шею. Остальные бросились бежать. Мирон не торопясь вынул пистолет с глушителем и с четырех выстрелов уложил обоих. На все ушло не более минуты. Шума не было вообще. Местные жители, не подозревая о случившемся, продолжали спокойно смотреть телевизоры или глушить водку. «Нежелательно здесь трупы оставлять, — подумал Мирон. — Но куда их денешь, не домой же тащить?!» Представив, как перекосятся при виде подобного подарка физиономия дражайшей супруги, он криво усмехнулся. Ладно, шутки в сторону, нужно искать выход из положения. Еще раз внимательно оглядевшись, Мирон заметил спрятавшийся в тени дома японский микроавтобус. Без сомнения, машина принадлежала приехавшим по его душу убийцам. В ней места хватило бы всем четверым боевикам, да и связанному Мирону тоже. Кадий наверняка потирает лапы, представляя, как будет мучить беззащитную жертву. Сволочь, садист, хуже душмана! «Ну ничего, — подумал Мирон, — я тебе сделаю подарочек». Обыскав убитых, он наконец обнаружил в кармане одного ключи. Оттащив трупы в автобус, он рассадил их по сиденьям, потом осветил лица найденным в бардачке карманным фонариком. Трое молодых парней не были ему знакомы, но четвертого Мирон сразу узнал. Ба, да это же Стриж, один из приближенных Кадия, бежавший вместе с ним из далекого северного города. Вот так удача! Кадий до потолка подпрыгнет от ярости, волосы на жопе рвать начнет! Заперев свою машину, Мирон уселся за руль микроавтобуса и погнал его по направлению к загородному дому Кадиева. Не доезжая двух километров, он оставил машину на обочине шоссе, отошел как можно дальше и, поймав за бешеную сумму таксиста, вернулся в город. Разыскав ближайший телефон-автомат, Мирон набрал номер.

— Здравствуй, Леша, это я, Стриж, — сказал он в трубку искаженным голосом, — все сделали в лучшем виде.

— Где вы? — В голосе Кадия слышалось раздражение. — Что за голос у тебя странный?

— Я говорю из автомата, тут неподалеку, тут трубка на волоске висит.

— Почему застряли, ежайте быстрее!

— Мы не можем, машина сломалась, трое раненых, да и этого бугая на руках не дотащить! Приезжай, Леша!

— Ладно, — буркнул Кадий, вешая трубку, и тут же встрепенулся: что за чертовщина, на шоссе нет телефонов!

Собрав всех имеющихся в наличии ребят, он осторожно подъехал к указанному месту. Стояла мертвая тишина. Ночное шоссе было пустынно. В небе ярко светила полная луна. В ее зловещем сиянии был отчетливо виден стоящий на обочине микроавтобус с потушенными фарами. Кадиевцы рассыпались по кустам, держа оружие на изготовку. Поблизости никого не оказалось. Засады не было. Только четыре темные фигуры неподвижно сидели в салоне автобуса. Внимательно приглядевшись, Кадий узнал в одной из них Стрижа.

— Сашка! — позвал он. — Давай вылазь, мы приехали!

В ответ гробовая тишина.

— Сашка! — еще раз крикнул Кадий и, подойдя к машине, распахнул дверцу.

Все четверо были мертвы. В груди Стрижа торчал загнанный по самую рукоятку финский нож. Мертвые глаза бессмысленно таращились куда-то вдаль. Во рту убитого торчала свернутая в трубочку бумажка. Кадиев дрожащими руками развернул. «Пойдем со мной!» — было написано там печатными буквами.

От отчаяния и бессильной ярости Алексей завыл. Крик его дикими переливами пронесся над пустой дорогой. Даже толстокожие боевики вздрогнули от страха.

— Ладно, — успокоившись, прошипел он. — Погоди у меня!

Похожую фразу произнес и Слава Савицкий, когда, разбуженный посреди ночи Мироном, узнал о случившемся.

— Все ясно, война на уничтожение, либо мы их, либо они нас! Как можно быстрее вырезать всю эту сволочь! — горячился еще не полностью пришедший в себя Мирон.

— Успокойся, — сказал Савицкий. — Давай выпьем!

— Тебе же нельзя?! — удивился Мирон.

— Плевать!

— Всех не надо, — продолжал Славик. Глотнув по полстакана водки, они закурили сигареты, удобно устроившись в креслах. — Достаточно выбить ядро, а лучше всего самого Кадия: рядовых пацанов зря не трогайте, только если нет другого выхода.

— До Кадия сейчас вряд ли доберемся, — немного подумав, сказал Мирон. — Он хитрая бестия, может на дно лечь, да и все остальные тоже. Слышь, Слава, — внезапно оживился он. — В больнице-то четыре его красавчика загорают!

— Убивать на больничной койке полуживых людей, — поморщился Савицкий.

— Зачем на койке! Когда выйдут! Сегодня дежурит врач Василевский, мы с ним вместе в Афгане служили. Позвоню-ка я ему, узнаю, когда кто выписывается.

Врач Василевский дежурил не очень старательно, а точнее, крепко дрых, налкавшись спирта. Поэтому трубку снял только после тридцатого гудка. Выслушав просьбу Мирона, он раздраженно чертыхнулся, но все же разузнал то, что нужно.

— Ну вот, — закончив разговор, удовлетворенно сказал Мирон. — Завтра выписываются Енот и какой-то Королев Николай, поступивший вместе с ним.

— Королев молодой, «шестерка», на фиг он нам сдался, — устало ответил Савицкий. — А Енот... Что ж, Енота, пожалуй, можно, та еще сволочь!

Услышав о выписке, Колюня обрадовался. До смерти надоела пропахшая потом, лекарствами и ночными горшками больница, осточертела прилипчивая медсестра, ни на минуту не оставлявшая его в покое. Похоже, дура рассчитывает на серьезные отношения. Нет уж, дудки, потрахались, и будет! За два дня Светка опротивела не меньше больницы. Ладно хоть спирт приносила. Вообще-то выписывать собирались его одного, но Енот тоже захотел домой. «Сам долечусь», — хмуро объяснил он лечащему врачу. Колюня праздновал предстоящую выписку всю ночь и встал поздно, с больной головой. Для Енота раболепствующая перед Колюней Светка стащила где-то морфия, которым тот с удовольствием ширнулся. Напившись крепкого чая и переодевшись в присланную из дома чистую одежду (та, в которой прибыли в больницу, была изорвана и пропитана кровью), Енот под руку с Колюней вышли на улицу. Стояло свежее, прохладное утро, больничный сад утопал в роскошном осеннем наряде. Лежа в больнице, они не знали о тех кровавых событиях, которые разыгрались за последние двое суток. Поэтому ни Енот, ни Колюня не обратили внимания на «восьмерку» с затемненными стеклами, стоящую напротив подъезда.

— Что за проклятие! — ругался тем временем сидящий в машине Мирон. — Почему идут под руку, гады?! Енота, только Енота! — передразнил он мысленно

Савицкого. — Автомат — это не винтовка с оптическим прицелом. Как попасть в него, не задев второго? Савицкий, гуманист хренов!

«Ну тебя, Славик, к лешему с твоей дурной добротой», — решил наконец Мирон и длинной очередью скошил обоих.

ГЛАВА 6

— Итак, что мы имеем на сегодняшний день? — Савицкий, сцепив за спиной руки, расхаживал по комнате, в которой расположился весь костяк его банды. — Кадий лег на дно, его люди тоже! С квартиры съехал, загородный дом пуст. Кстати, спалили его? Хорошо! Ты, Мирон, дров наложил здорово, зачем валил прямо на улице, шуму теперь на весь город!

— Там все чисто, — обиженно возразил Мирон, — я был в парике, в темных очках. Машина не наша, угнанная, да и вообще она уже давно на запчасти разобрана.

— Это правильно, молодец! — одобрил Славик. — Только не следовало убивать молодого пацана. Я же сказал русским языком: Е-но-та!

— Енота, Енота, — передразнил обозлившийся Мирон. — Они под руку шли, что мне оставалось делать?! К тому же, Слава, ты меня удивляешь. Откуда этакая гуманность? Знаешь, кого мы обнаружили в подвале кадиевского дома? Виталика, живьем замурованного в цемент! Он тоже рядовой боец, за что его так?! А ты — Е-нота! Всю эту мразь нужно вырезать до одного. Думаешь, Виталика Кадий лично похищал? Нет, такие же, как он, молодые пацаны. Меня самого кто хотел убить? А ты — Е-нота!

— Ладно, не кипятись, — примирительно сказал Савицкий. — Что сделано — то сделано, давайте думать, как дальше быть, как выманить из норы эту лису!

— Есть одна идея, — хмуро сказал Мирон, — только не знаю, понравится ли она тебе!

— Мирон, перестань из себя целку корчить, — рассердился Савицкий. — Говори, чего придумал!

— Кадий держит «под крышей» фирму, поставляющую девочек по вызову...

— Во, пидор! — загалдели хором бандиты. — Не запахло ему с блядей деньги получать?

— Тихо, братва, не шумите, — успокоил их Слава. — Продолжай, Мирон.

— Можно наехать на эту лавочку, потрясти сутенера, авось концы найдутся.

— Откуда ты взял, что сутенер знает, где сейчас Кадий? — скептически усмехнулся Савицкий. — С таким же успехом мы можем потрясти остальные кадиевские точки. Какого хрена он будет барыгам свои координаты оставлять?..

— Подожди, — раздраженно огрызнулся Мирон, — ты не выслушал до конца! Начнем с того, что сутенер и его шлюхи могут знать неизвестные нам берлоги Кадия: сауны, квартиры друзей и так далее. Не исключено даже, что он по-прежнему пользуется их услугами. Во-первых, Кадий без бабы дня не проживет, во-вторых, этот хмырь жаден до безобразия. Он не станет цеплять проституток в других местах, если здесь может получить их бесплатно. В любом случае мы ничего не теряем. Если вопреки ожиданиям концов не зацепим — на худой конец погромим еще одну кадиевскую точку...

Савицкий на минуту задумался. Похоже, в словах Мирона есть определенный резон. Вдруг и вправду повезет! Тем более он терпеть не мог сутенеров. Проституток Слава не осуждал, понимая, что в нынешнее голодное, дикое время многим молодым девчонкам просто некуда деваться, что большинство из них торгуют телом не от хорошей жизни. Их Слава жалел, никогда не обижал, расплачивался честно. Но сутенеры — мерзкие работоторговцы, наживающиеся на чужом горе. Даже если этот ублюдок ничего не знает, все равно приятно подпалить ему задницу.

— Ладно, — принял решение Савицкий, — поехали!

— Подожди, — охладил его пыл Мирон, — адрес-то мы не знаем!

— Так ты издеваться надо мной вздумал?!